

Кролики и удавы

Автор:

Фазиль Искандер

Кролики и удавы

Фазиль Абдулович Искандер

«...– Я давно веду наблюдения над удавами, – сказал кролик из кустов, – вы подтвердили, что легенда о дерзком кролике не легенда, а быль. Это лишний раз убеждает в правильности моих некоторых догадок. Теперь я твердо знаю: ваш гипноз – это наш страх. Наш страх – это ваш гипноз.

– Пользуешься тем, что мы сейчас оба сыты? – сказал Косой, прислушиваясь к своему желудку.

– Нет, – отвечал кролик, – это плод долгих раздумий и строгих научных наблюдений. ...»

Фазиль Искандер

Кролики и удавы

* * *

Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране. Короче говоря, в Африке.

В этот жаркий летний день два удава, лежа на большом мшистом камне, грелись на солнце, мирно переваривая недавно проглоченных кроликов. Один из них был старый одноглазый удав, известный среди собратьев под кличкой Косой, хотя он был именно одноглазый, а не косой...

Другой был совсем юный удав и не имел еще никакой клички. Несмотря на молодость, он уже достаточно хорошо глотал кроликов и поэтому внушал достаточно большие надежды. Во всяком случае, он еще недавно питался мышками и цыплятами диких индеек, но теперь уже перешел на кроликов, что было, учитывая его возраст, немалым успехом.

Вокруг отдыхающих удавов расстилались густые тропические леса, где росли слоновые и кокосовые пальмы, банановые и ореховые деревья. Порхали бабочки величиной с маленькую птичку и птицы величиной с большую бабочку. Вспыхивая разноцветным оперением, с дерева на дерево перелетали попугаи, даже на лету не переставая тараторить.

Иногда на вершинах деревьев трещали ветки и взвизгивали обезьяны, после чего раздавался сонный рык дремлющего поблизости льва. Услышав рык, обезьяны переходили на шепот, но потом, забывшись, опять начинали взвизгивать, и опять лев рыком предупреждал их, что они ему мешают спать, а он с вечера отправляется на охоту.

Обезьяны снова переходили на шепот, но совсем замолкнуть никак не могли. Они вечно о чем-то спорили, а чего они не поделили, было непонятно.

Впрочем, два удава, отдыхающие на мшистом камне, не обращали внимания на эти взвизги. Какие-нибудь глупости, думали они, иногда мимоходом улавливая обезьянью возню, какой-нибудь гнилой банан не поделили, вот и спорят...

– Я одного никак не могу понять, – сказал юный удав, только недавно научившийся глотать кроликов, – почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегают?

– Как – почему? – удивился Косой. – Ведь мы их гипнотизируем...

– А что такое «гипнотизировать»? – спросил юный удав.

Следует сказать, что в те далекие времена, которые мы взялись описывать, удавы не душили свою жертву, но, встретившись, или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом.

– А что такое «гипнотизировать»? – стало быть, спросил юный удав.

– Точно ответить я затрудняюсь, – сказал Косой, хотя он не был косой, а был только одноглазый, – во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

– А почему не должен? – удивился юный удав. – Я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся...

– В животе можно, – кивнул Косой, – только если он шевелится в нужном направлении.

Тут Косой слегка поерзал на месте, чтобы сдвинуть проглоченного кролика, потому что тот вдруг остановился, словно услышал их разговор.

Дело в том, что в жизни этого старого удава был несчастный случай, после которого он лишился одного глаза и едва остался жив. Каждый раз, когда он вспоминал этот случай, проглоченный кролик останавливался у него в животе и приходилось слегка поерзать, чтобы сдвинуть его с места. Вопросы юного удава опять напомнили ему этот случай, который он не любил вспоминать.

– Все-таки я не понимаю, – через некоторое время спросил юный удав, – почему кролик не должен шевелиться, когда мы на него смотрим?

– Ну, как тебе это объяснить? – задумался Косой. – Видно, так жизнь устроена, видно, это такой старинный приятный обычай...

– Для нас, конечно, приятный, – согласился юный удав, подумав, – но ведь для кроликов неприятный?

– Пожалуй, – после некоторой паузы ответил Косой.

В сущности, Косой для удава был чересчур добрый, хотя и недостаточно добрый, чтобы отказаться от нежного мяса кроликов. Он делал для кроликов единственное, что мог, он старался их глотать так, чтобы причинить им как можно меньше боли, за что в конце концов поплатился.

– Так неужели кролики, – продолжал юный удав, – никогда не пытались восстать против этого неприятного для них обычая?

– Была попытка, – ответил Косой, – но лучше ты меня об этом не спрашивай, мне это неприятно вспоминать...

– Но, пожалуйста, – взмолился юный удав, – мне так хочется послушать про что-нибудь интересное!

– Дело в том, – отвечал Косой, – что восстал именно мой кролик, после чего я и остался одноглазым.

– Он что, тебе выцарапал глаз? – удивился юный удав.

– Не в прямом смысле, но, во всяком случае, по его вине я остался одноглазым, – сказал Косой, прислушиваясь, как воздействуют его слова на движение кролика внутри живота. Ничего, кролик как будто двигался...

– Расскажи, – снова взмолился юный удав, – мне очень хочется узнать, как это случилось...

Косой был очень старый и очень одинокий удав. Взрослые удавы к нему относились насмешливо или враждебно, поэтому он так дорожил дружеским отношением этого еще юного, по уже вполне умелого удава.

– Ладно, – согласился Косой, – я тебе расскажу, только учти, что это секрет, молодые удавы о нем не должны знать.

– Никогда! – поклялся юный удав, как и все клянущиеся в таких случаях, принимая жар своего любопытства за горячую верность клятве.

– Это случилось лет семьдесят тому назад, – начал Косой, – я тогда был ненамного старше тебя. В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водополя и вполне нормально проглотил его. Сначала все шло хорошо, но потом, когда кролик дошел до середины моего живота, он вдруг встал на задние лапы, уперся головой в мою спину и...

Тут Косой внезапно прервал свой рассказ и стал к чему-то прислушиваться.

– Уперся головой в твою спину, и что? – в нетерпении спросил юный удав.

– Сдается мне, что нас подслушивают, – сказал Косой, поворачиваясь зрячим профилем в сторону кустов рододендрона, возле которых они лежали.

– Нет, – возразил юный удав, – тебе это показалось, потому что ты плохо слышишь. Рассказывай дальше!

– Я косой, а не глухой, – проворчал старый удав, но постепенно успокоился. По-видимому, подумал он, шорох ветра в кустах рододендрона и принял за шевеление живого существа.

И он продолжил свой удивительный рассказ. Так как он часто прерывался – то занимаясь своим кроличьим запором, то подозревая, что его кто-то подслушивает, с чем юный удав никак не соглашался, потому что опасения за чужую тайну всегда кажутся преувеличенными, – мы более коротко перескажем эту историю.

Не опасаясь подслушивания, да и, признайтесь, приятно быть смелым за счет чужой тайны, мы расскажем все, как было.

Итак, Косой, который тогда не был ни старым, ни косым, проглотил кролика у Ослиного Водополя. И действительно, сначала все шло как по маслу, пока кролик вдруг не встал на задние лапы и снизу не уперся головой ему в спину, давая понять, что он дальше двигаться не намерен.

– Ты что, – говорил ему Косой, – баловаться вздумал? Переваривайся и двигайся дальше!

– А я, – кричит кролик из живота, – назло тебе, так и буду стоять!

– Делай им после этого добро, – сказал Косой и, подумав, добавил: – Посмотрим, как ты устоишь...

И стал он лупцевать его своим молодым, еще эластичным и сильным хвостом. Лупцует, лупцует, аж самому больно, а кролику ничего.

– А мне не больно, а мне не больно! – кричит он из живота.

В самом деле, подумал удав, ведь шкура у меня толстая, и вся боль, предназначенная этому негодяю, приходится на меня самого.

– Ладно, – все еще спокойно говорил Косой, – сейчас я тебя сдерну оттуда...

Он посмотрел вокруг, нашел глазами огромную кокосовую пальму, у которой один из корней, подмытый ливнями, горбился над землей. Он осторожно прополз под корень до того самого места, где живот его растопырил этот живучий кролик.

– Ложись! – крикнул он. – Сейчас молотить начну!

– Молоти! – отвечал ему из живота этот бешеный кролик. – Сейчас покрепче упрусь!

Тут удав в самом деле разозлился и давай ерзать изо всех сил под своим корнем: взад-вперед! взад-вперед!

Пальма трясется, кокосовые орехи летят на землю, а кролику хоть бы что!

– Давай! – кричит. – Еще! – кричит. – Слабо! – кричит.

Косой от ярости так растряс пальму, что обезьяна, с любопытством следившая за его странным поведением, неожиданно свалилась ему на голову. Удар был очень чувствительный, потому что обезьяна летела с самой вершины этой пальмы. Он попытался ее укусить, но она, шлепнувшись ему на голову, успела отлететь в сторону. Он метнулся было за нею, но кролик, стоявший у него поперек живота,

не дал ему дотянуться до нее.

Уже до этого достаточно оскорбленный поведением кролика, а теперь и вовсе обещенный падением обезьяны на голову, удав пришел в невероятную ярость и так дернулся, что корень оборвался, и он изо всех сил ударился головой о самшитовое дерево, росшее рядом, и потерял сознание.

Примерно через час он пришел в себя и, приподняв голову, огляделся. Хотя в голове у него гудело, он все-таки услышал вокруг родное шипение родных удавов. Узнали, значит, приползли, переговариваются...

– Коль не повезет, – прошипел один, – так и кроликом подавишься...

– А некоторые еще нам завидуют, – сказал удав, известный среди удавов тем, что привык все видеть в мрачном свете.

– Братцы, – простонал Косой, – умялся он там, пропихнулся?

– Примерно на одну обезьянью ладонь пропихнулся, – сказал удав, лежавший поблизости.

– Смотря какая обезьяна, – вдруг сверху с пальмы проговорила мартышка, – если взять орангутана, то получится, что кролик и на четверть ладони не продвинулся...

– Этот кролик и не пропихнулся, и не умялся, – подхватил удав, привыкший все видеть в мрачном свете, – как стоял колом, так и стоит...

– Братцы, – взмолился Косой, – помогите...

– Плохи наши дела, – вдруг раздался голос царя удавов Великого Питона, – дурной пример заразителен... Уже обезьяны начинают нас поучать...

– А что, обезьяны хуже других? – сварливо огрызнулась с пальмы мартышка. – Чуть что, сразу обезьяны, обезьяны...

Услышав голос Великого Питона, бедный Косой пришел в ужас и даже забыл о своих несчастьях.

Дело в том, что, появляясь среди удавов, Великий Питон произносил боевой гимн, который все удавы в знак верности должны были выслушивать, приподняв голову.

Вот слова этого короткого, но по-своему достаточно выразительного гимна:

Потомки дракона,

Наследники славы,

Питомцы Питона,

Младые удавы,

Проглоченных кроликов сладкое бремя

Несите! Так хочет грядущее Время!

Для Великого Питона все удавы считались младыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишался жизни как изменник.

Вот почему Косой, еще не ставший Косым, услышав голос Великого Питона, пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна.

На самом деле он напрасно так испугался. Привычка при звуках гимна подымать голову была так сильна, что он и в бессознательном состоянии, услышав гимн, поднял голову вместе со всеми удавами.

По предложению Великого Питона удавы стали обсуждать, как спасти своего неудачливого соплеменника. Один удав предложил ему доползти до вершины самой высокой пальмы и оттуда шлепнуться на землю, чтобы раздавить дерзкого кролика.

– Что вы, братцы, – взмолился пострадавший, – да я сейчас и не доползу... А если доползу, то обязательно шлепнусь не тем местом... Мне же не везет...

– Верно, не доползет, – сказал Великий Питон. – Какие еще будут предложения?

– А может, кролика выпустить, и дело с концом? – неуверенно проговорил один из удавов.

Великий Питон задумался.

– С одной стороны, это выход, – сказал он, – но с другой стороны, пасть удава – это вход, а не выход...

– А мы его не пустим, – осмелел тот, что внес это странное предложение, – как только он выскочит, мы его тут же обработаем.

– Да я лучше ежа проглочу, чем этого бешеного кролика, – сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете.

– Тише, – предупредил Великий Питон, – шипите шепотом, не забывайте, что враг внутри нас... Во всяком случае, внутри одного из нас... За всю свою жизнь, а мне, слава богу, двести лет, был только один случай, чтобы кролик выскочил из пасти удава.

– Расскажи, – стали просить удавы, – мы об этом никогда не слышали.

– Братцы, – застонал Косой, – решайте скорее, а то уже нет сил терпеть.

– Подожди, – ответил Великий Питон, – дай мне поговорить со своим народом... Это случилось в те золотые времена, когда среди удавов была распространена игра, которая называлась «Кролика на кролика до следующего кролика».

– Да что еще это за игра? – закричали удавы. – Расскажи нам о ней!

– Братцы, – снова взмолился Косой, но его уже никто не слушал. Обычно, если Великий Питон начинал вспоминать о том, что было раньше, его трудно было остановить.

А между прочим, в самом деле, в старину среди удавов была распространена эта игра. Один удав, проглотивший кролика, находил другого удава, проглотившего кролика, и предлагал ему:

– Кролика на кролика до следующего кролика?!

– Идет, – отвечал второй удав, если соглашался на игру.

Игра заключалась в том, что два играющих удава ложились рядом и по знаку третьего, который брал на себя роль судьи, кролики начинали бегать наперегонки внутри удавов – от хвоста до головы и обратно. Чей кролик оказывался проворней, тот и выигрывал. Бег кроликов внутри удавов можно было легко проследить, потому что спина удава волнообразно прогибалась по ходу движения кролика. Забавно, что сам бег кроликов вызывался тем, что судья, изменив голос, кричал кроликам:

– Бегите, кролики, удав рядом!

После этого оба кролика начинали метаться внутри удавов, потому что, очнувшись от гипноза, они никогда не помнили, что с ними случилось. Они считали, что попали в какую-то странную нору, из которой надо искать выход.

Удав, чей кролик оказывался проворней, считался победителем. Выигрыш его состоял в том, что проигравший должен был найти ему кролика, загипнотизировать его и, скромно отползая в сторону, дать проглотить выигравшему. Это была адская мука. Некоторые удавы после двух-трех проигрышей не выдерживали и заболевали нервными заболеваниями.

По словам Великого Питона, в этой игре имелась та особенность, что чем больше выигрывал тот или иной удав, тем сильнее растягивался его желудок, чем сильнее растягивался его желудок, тем легче становилось бежать следующему кролику и, следовательно, тем больше шансов выиграть появлялось у этого удава. Среди удавов, оказывается, даже был один чемпион, который так разработал свой желудок, что заставлял внутри него бегать козленка.

– Царь, а Царь, – вдруг перебил Великого Питона удав-коротышка.

Среди удавов он был известен своей неутомимой любознательностью, которая его уже привела к тому, что он вместо кроликов начал глотать бананы и притом имел наглость уверять, будто они довольно вкусные. К счастью, этому вольнодумству никто из удавов не последовал. Все-таки Коротышка Великому Питону был неприятен, как моральный урод.

– Царь, а Царь, – спросил Которышка, – а что, если я, например, короткий, а другой, например, длинный?.. Во мне кролик быстрее будет бегать от головы до хвоста?

– У-у-у, Коротышка, – зашипел на него Великий Питон, – вечно ты себя противопоставляешь... Не думай, что в старину удавы были глупее тебя. Если один из удавов оказывался длинней, его подворачивали настолько, насколько он оказывался длинней.

Тут удавы пришли в радостное возбуждение, до того им понравился рассказ Царя и удивительно справедливые условия этой древней игры.

– Да здравствует Царь и его память! – закричали они. – Хотим играть в эту замечательную игру!

– К сожалению, невозможно, – печально сказал Великий Питон, дождавшись тишины.

– Почему?! – уныло стали вопрошать удавы. – Вечно ты нас ограничиваешь! Мы тоже хотим, чтобы кролики бегали внутри нас.

– Потому что случилось великое несчастье, – сказал Царь, – после чего пришлось ограничивать свободу передвижения кроликов внутри удавов.

– Вот так всегда, – проворчал удав, привыкший все видеть в мрачном свете, – ограничивают свободу кроликов, а страдают удавы.

– Дело в том, – продолжал Великий Питон, – что во время игры один из удавов то ли чересчур широко разинул пасть, то ли кролик его слишком взмылился, но он неожиданно выскочил у него из пасти и убежал в лес.

– Невероятно! – в один голос воскликнули несколько удавов.

– Каков подлец! – качали головами и шипели другие.

– Невероятно, но факт, – рассказывал Великий Питон, – это были самые черные дни нашей истории. Было неясно, что расскажет сбежавший кролик о нашем внутреннем строении. Как воспримут его слова остальные кролики. Конечно, были приняты меры для его поимки, объявлена награда, но разложение проникло уже и в ряды удавов. Через некоторое время одно за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и обработал его. Но именно потому, что сбежавший кролик был один, а сообщений о его заглоте было много, трудно было поверить, что он пойман. Но потом постепенно мы успокоились. Во всяком случае, со стороны кроликов организованного сопротивления не замечалось. Не исключено, что сбежавший кролик был пойман каким-нибудь скромным периферийным удавом, который проглотил его, не только не требуя награды, но и сам не ведая о том, кого он глотает. Через некоторое время мы казнили удава-ротозея, и жизнь вошла в нормальную колею. Правда, эту чересчур азартную игру пришлось запретить, так же как и противоестественное продление жизни кроликов внутри удавов. Проглотил – изволь обрабатывать – нечего церемониться...

Великий Питон помолчал, вспоминая великолепные подробности казни удава-ротозея. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь спросил об этой казни, но никто не спрашивал, и тогда он шепнул одному из помощников, чтобы тот организовал вопрос из среды рядовых удавов.

– Группа удавов интересуется, – раздался, наконец, вопрос, – как именно казнили удава-ротозея?

– Своеобразный вопрос, – кивнул головой Великий Питон, – это было великолепное зрелище... Сейчас мы отменили эту казнь, и, честно скажу, напрасно. Смысл казни – самопоедание удава. Ему не давали есть в течение двух месяцев, а потом всунули его собственный хвост в его собственную пасть. Трудно представить себе что-нибудь более поучительное. С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост, и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. С одной стороны, он, самопожираясь, уничтожается, с другой стороны, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки. В конце концов от него остается почти одна голова, которую расклеивают грифы и вороны.

– Какое грозное зрелище! – воскликнули некоторые удавы.

А некоторые молча стали коситься на свои хвосты.

– Не хватало новой заботы, – сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете, – теперь, свиваясь в кольца, я буду думать: а вдруг мой хвост случайно попадет мне в рот?

– Зато будьте спокойны, – сказал Великий Питон, – с тех пор ни один удав не выпускал из себя кролика.

– А все-таки это дикость! – вдруг воскликнул Коротышка, не слишком высовываясь из-за дальних рядов.

Не успели удавы что-нибудь сказать по поводу этого грубого выпада, как услышали нечто и вовсе неслыханное.

– Мерзавец! – вдруг раздался чей-то отчетливый голос.

Все удавы стали подозрительно оглядывать друг друга, стараясь угадать, кто посмел произнести столь оскорбительное слово.

Косой, о котором к тому времени все забыли, с ужасом почувствовал, что это был голос кролика, которого он так неудачно проглотил. Он знал, что несет полную ответственность за поведение проглоченного кролика, и потому пришел в ужас.

На всякий случай, пока другие удавы не догадались, кто кричал, он стал озираться как бы в поисках оскорбителя царя.

– Кто сказал «мерзав-цы»?! – страшным голосом прошипел Великий Питон, оглядывая ряды своих питомцев, смущенно прячущих головы в траву. – Уж не ты ли, Коротышка?!

– Я сказал про дикость, а про мерзав-ца, – подчеркнул ехидно Коротышка, – я не говорил.

Великий Питон нарочно перевел оскорбительное слово во множественное число, чтобы оно, относясь ко многим удавам, к нему лично, Великому Питону, относилось в виде такой дроби, где оскорбление как бы делилось на общее количество присутствующих удавов. Ему казалась такая дробь менее оскорбительной, хотя, в сущности, иная компания содержит в себе вещество мерзости, намного превосходящее то количество, которое необходимо для выполнения нормы мерзавца каждым членом этой компании, то есть на каждого мерзавца этой компании может распределиться полуторная норма мерзости, если они будут настаивать на математическом выражении своей доли мерзости.

Кстати говоря, впоследствии туземцы усвоили этот обычай удавов придавать оскорблению расширительный смысл, чтобы скрыть долю своей подлости, если дело касается подлеца, или долю своей мерзости, как в этом случае, если дело касается мерзавца.

Итак, Коротышка напомнил, что именно говорил он сам и в каком именно числе было употреблено оскорбительное слово неизвестным оскорбителем. Именно потому, чтобы не заострять внимание на этой неприятной тонкости, Великий Питон не стал особенно придирается к нему.

– У-у-у, Коротышка, – только прошипел он в его сторону, – я еще сотру тебя в пыль!

– Мерзавец! – вдруг снова произнес кролик из живота Косого.

– Прошу тебя, помолчи, – взмолился Косой, холодея от ужаса.

– Я здесь не для того, чтобы молчать! – громко сказал кролик.

Окружающие удавы с недоумением оглядывали Косого, никак не понимая, почему этот неудачник посмел говорить с таким предсмертным нахальством. Все они, увлекшись рассказом Великого Питона, забыли, что внутри Косого сидит живой энергичный кролик.

– Так это ты?! – наконец прошипел Великий Питон, обратившись к Косому, который все еще не был Косым, хотя и очень близко подошел к тому, чтобы им

стать.

– Это не я, это во мне, – в ужасе признался Косой.

– Раздвоение личности?! – брезгливо предположил Великий Питон. Среди удавов это считалось позорной болезнью.

– О, Царь, – взмолился Косой, – вы, как всегда, увлекшись великим прошлым, забыли, что во мне кролик...

– Ну и что? – перебил его Великий Питон. – И во мне кролик, и к тому же не единственный...

Но тут к нему склонился один из его помощников и нашептал ему на ухо о том, что здесь произошло.

– Ах да, – вспомнил Царь, – так это он назвал всех нас мерзавцами?

– Да, я! – воскликнул дерзкий кролик из оцепеневшего от ужаса удава. – Ты первый мерзавец среди своих мерзавцев и притом тупица!

– Я мерзавец?! – повторил Великий Питон, не находя слов от гнева.

– Да, ты мерзавец! – радостно закричал дерзкий кролик.

– Я тупица?! – не веря своим ушам, повторил Великий Питон.

– Да, ты тупица! – восторженно выкрикнул кролик.

На этот раз голос его был особенно отчетливым, потому что бедный Косой, от ужаса разинув пасть, так и застыл.

Воцарилась нехорошая тишина, во время которой Великий Питон не сводил глаз с Косого.

– Твой желудок стал трибуной кролика, – сказал он грозно, – но ты за это заплатишься, жалкий инвалид.

– О, мой Царь, – взмолился бедный Косой.

– Никаких Царей, – сурово отвечал Великий Питон, – удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

– Не тот, не тот, – зашипели удавы.

– А потому, – продолжал Великий Питон, наконец приходя в себя, – выволоките его на Слоновую Тропу, пусть они утрамбуют этого дерзкого кролика, если этот жалкий инвалид не мог сам его утрамбовать.

Удавы из стражи Великого Питона подхватили Косого и поволокли его в сторону Слоновой Тропы. Пока они волокли его, кролик, не переставая, вопил из его живота.

– Кролики! – кричал он. – Один кролик сбежал из живота удава! Сам Царь об этом говорил! Спротивляйтесь удавам! Даже в животе! Как я!

– Волочите быстрее! – приказал Великий Питон, которому разглашение этой племенной тайны очень не понравилось.

– Мы стараемся, – отвечали стражники, – но он упирается...

– Братцы, – шептал им в это время Косой, – помилосердствуйте, ведь меня слоны затопчут вместе с кроликом.

– Кролики тебе братцы, – отвечали стражники, уводя его в глубину джунглей.

– Кролики! – все еще доносился голос дерзкого кролика. – Один кролик сбежал из пасти удава! Царь сам рассказывал!

– Хи-хи-хи, – вдруг раздался ехидный смех Коротышки, – сам говорил, шипите шепотом, а сам племенную тайну разгласил.

– Выродок, – отвечал Великий Питон, чтобы не опускаться до спора с Коротышкой, – бананами питаешься, обезьяна.

– А чем обезьяны хуже вас? – крикнула мартышка, высунувшись из густой кроны грецкого ореха. – Чуть что, сразу обезьяны.

Впрочем, как только Великий Питон поднял голову, она тут же юркнула в зеленую крону и защелкала орехами, то и дело бросая вниз сердитые скорлупки.

Обезьяны находились в сложных отношениях с удавами. Дело в том, что обычай удавов разрешал питаться обезьянами, но, так как они слишком волосатые и не слишком вкусные, питаться обезьянами считалось дурным тоном.

Такую точку зрения неоднократно высказывал сам Великий Питон, и обезьяны, с одной стороны, заинтересованные в том, чтобы их считали невкусными, с другой стороны, болезненно воспринимали всякий намек на свою неполноценность. Поэтому они жили, мелко политикуя и огрызаясь на отдельные оскорбления удавов, в то же время стараясь сохранить господствующую среди удавов точку зрения на свои вкусовые качества.

– Слушайте загадку, – сказал Великий Питон, решив напоследок рассеять впечатление от дерзких выкриков кролика, – она же шутка... Какой кролик может стать удавом?

Удавы стали думать. Некоторые решили, что Царь при помощи этой загадки выискивает среди них будущих изменников, и потому на всякий случай решили молчать. Другие высказывали более и менее правдоподобные предположения. Но никто не отгадал правильного ответа.

– Ответ! Ответ! – стали кричать удавы.

– Хорошо, – сказал Великий Питон, – вот вам ответ: кролик, проглоченный удавом, может стать удавом.

– Но почему, о Царь? – вопрошали удавы.

– Потому что кролик, переработанный удавом, превращается в удава. Значит, удавы – это кролики на высшей стадии своего развития. Иначе говоря, мы – это бывшие они, а они – это будущие мы.

– Ха-ха-ха! – смеялись удавы шутке Великого Питона. – Мы – это бывшие они. Здорово получается!

– Согласно с наукой, – скромно добавил Великий Питон, как бы отводя от себя лично слишком восторженные взгляды удавов.

– Великий Питон – это все-таки Великий Питон, – говорили удавы, расползаясь и с удовольствием вспоминая мудрую шутку своего Царя. Им приятно было чувствовать, что, глотая кроликов, они не просто сами наслаждаются нежным тонкошкурым телом кролика, но, оказывается, и самого кролика, превращая в себя, возвышают до своего уровня.

Но что же случилось на Слоновой Тропе?

Косой мало что помнит. Он только помнит, что удавы его придерживали, пока слоны не появились совсем близко. Кролик внутри него беспрерывно орал, что надо бороться с удавами, даже находясь в желудке удава.

Смог ли он выскочить из него, когда слоны стали их топтать, он не помнит, потому что потерял сознание еще до того, как первый слон наступил на него.

Через две недели, в Сезон Больших Дождей, к нему вернулось сознание, и он обнаружил себя лежащим недалеко от Слоновой Тропы, куда он, по-видимому, был отброшен каким-нибудь брезгливым хоботом слона.

Тело его в нескольких местах было оттоптано, и он уже стал одноглазым, хотя не мог точно сказать – то ли слоны ему нечаянно выдавили глаз, то ли позже, когда он лежал без сознания, этот глаз у него выклевала какая-то птица. Почему-то этот вопрос сильно беспокоил Косого, хотя в его положении хватало других забот. Косому почему-то хотелось, чтобы глаз его был растоптан ногами слонов, а не выклеван какой-нибудь поганой птицей, принявшей его за труп.

Мысль о том, что какая-то птица выклевала его глаз, словно зерно, почему-то не давала ему покоя, пока ощущение голода не стало его вытеснять. Так прошло несколько дней, и вдруг на него села ворона, привлеченная его неподвижной позой. Ему удалось схватить ворону, когда она села ему на голову с тем, чтобы выключить его единственный глаз. С тех пор он несколько месяцев неподвижно лежал, уставившись в небо своим единственным глазом. За это время ему удалось поймать несколько стервятников и ворон, соблазненных его трупным видом.

Так выжил Косой – к равнодушному удивлению других удавов и к явному неудовольствию Великого Питона. Соплеменники его не трогали, но относились к нему презрительно, потому что, как сказал Царь, удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который им нужен.

Бедняга Косой пытался сослаться на то, что проглоченные кролики иногда заговаривали и в других удавах, но это не помогало.

– То совсем другое, – говорили ему, – то гипнотический бред, а у тебя кролик говорил сознательно.

Кстати, мы забыли упомянуть, что с тех пор, как кролик выбежал из пасти удава, был введен закон о немедленной обработке кролика после заглота. Закон этот, в сущности, был рассчитан на джентльменство удавов, потому что проверить, сразу ли приступил удав к обработке проглоченного кролика или, продлевая ему жизнь, продлевает свое удовольствие, было невозможно.

Одним словом, после всего, что случилось, соплеменники старались избегать Косого. Его не трогали, но и почти не говорили с ним. Косой от этого страдал, потому что у каждого живого существа есть неистребимая потребность общаться с подобными себе.

Именно поэтому Косой, оказавшись сегодня рядом с юным удавом, откровенно рассказал ему всю свою горестную историю. Пожалуй, единственное, что он скрыл от юного удава, это то, что он и сейчас иногда, притворяясь мертвым, ловит ворон, потому что охотиться на кроликов с одним глазом нелегко и гипноз нередко дает осечку.

– Кстати, – спросил юный удав, – а как ты охотишься с одним глазом?

– Что делать, – вздохнул Косой, – приходится гипнотизировать профилем, глаз устает.

– А я все слышал! – вдруг раздался голос кролика.

Косой похолодел.

– Как? – сказал он дрожащим голосом. – Ты жив? Я тебя снова проглотил?

– Да нет, – поправил его юный удав, – это необработанный кролик говорит из кустов.

– Уф, – вздохнул Косой, – а мне показалось, что тот.

– А что ты услышал? – спросил юный удав, всматриваясь в кусты рододендрона и пытаясь разглядеть там кролика.

– Я давно веду наблюдения над удавами, – сказал кролик из кустов, – вы подтвердили, что легенда о дерзком кролике не легенда, а быль. Это лишний раз убеждает в правильности моих некоторых догадок. Теперь я твердо знаю: ваш гипноз – это наш страх. Наш страх – это ваш гипноз.

– Пользуешься тем, что мы сейчас оба сыты? – сказал Косой, прислушиваясь к своему желудку.

– Нет, – отвечал кролик, – это плод долгих раздумий и строгих научных наблюдений.

– Чего ж ты подслушиваешь, если ты такой умный, – спросил Косой, – или ты не слышал, что это нечестно?

– Я об этом тоже много думал, – отвечал кролик, так и не высунувшись из кустов, – подслушивать во всех случаях жизни низко, это я знаю. Даже подозревая кого-то в преступлении, нельзя его подслушивать, потому что подозрения могут не оправдаться, а метод может укорениться. Я хочу сказать, что каждый подслушивающий может говорить: «А я его подозревал в

преступлении». Подслушивать можно и нужно в том случае, если ты абсолютно уверен, что имеешь дело с преступником. А вы, удавы, – убийцы, вы или совершили убийство, или готовитесь совершить. Следовательно, как можно больше знать о вас – это благо для живых кроликов.

– Кажись, я чего-то слыхал о тебе, – вспомнил юный удав, – это ты Задумавшийся?

– Да, я, – отвечал кролик.

– Ну, подойди сюда, если ты такой, – сказал юный удав, чувствуя, что он, пожалуй, и второго кролика смог бы обработать.

– Нет, – отвечал кролик, – я сейчас не имею права рисковать. Хотя гипноза нет, но укусить вы можете.

– Спасибо и на том, – сказал Косой, стараясь придать всей этой истории легкий юмористический оттенок. Все-таки он много сказал такого, чего не должны были слышать уши кроликов. Все это пахло новыми опасностями. К тому же Задумавшийся, так и не высунувшись из кустов, ушелестел в глубь джунглей.

– Что ж ты не показался? – еще более тоскливо спросил Косой.

– Пусть вам в каждом кролике мерещится Задумавшийся! – крикнул кролик, и голос его растворился в шорохах джунглей.

На теплом мшистом камне стало как-то тесно и неудобно. Оба удава подумали, что хорошо бы избавиться друг от друга как от опасных свидетелей, но оба не решались нападать. Молодой – потому что боялся, что ему не хватит опыта, а старый боялся, что ему не хватит сил и проворства.

– Нехорошо все это получилось, – прошипел юный удав, – пожалуй, мне придется донести Великому Питону о том, что ты здесь наболтал.

– Не надо, – попросил Косой, – ты ведь знаешь, как он меня не любит...

– А если обнаружится? – возразил юный удав.

– Будем надеяться, что никто не узнает, – ответил Косой.

– Тебе хорошо, – сказал юный удав, – ты свое отжил, а у меня все впереди... Нет, я, пожалуй, донесу...

– Но ведь тогда и ты пострадаешь?

– Это почему же?

– Если я начал проговариваться, ты ведь должен был дать отпор, – напомнил Косой о старом обычае, принятом среди удавов.

В самом деле, подумал юный удав, есть такой обычай. Он был в растерянности. Он никак не мог понять, что ему выгодней: донести или не донести.

– А если обнаружится? – сказал он задумчиво. – Ну ладно, промолчу... А что ты мне дашь за это?

– Что я могу дать, – вздохнул Косой, – я старый инвалид... Если тебе придется туго с кроликами, притворись мертвым, и рано или поздно тебе на голову сядет ворона...

– Да на черта мне твоя ворона! – возмутился юный удав. – Я, слава богу, имею регулярного кролика.

– Не говори, – отвечал Косой, – в жизни всякое бывает...

– У нее, наверное, и мясо жесткое? – неожиданно спросил юный удав.

– Мясо жестковатое, – согласился Косой, – но в трудное время это все-таки лучше, чем ничего.

– А если обнаружат? – снова усомнился юный удав и, сползая с камня, на котором они лежали, добавил: – Ладно, не донесу... Лучше бы я с тобой не связывался...

Тысячу раз прав был Великий Питон, когда сказал, что удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

Уползая от Косого, юный удав в самом деле еще не знал, что выгоднее: донести или не донести. По молодости он не понимал, что тот, кто раздумывает над вопросом, донести или не донести, в конце концов обязательно донесет, потому что всякая мысль стремится к завершению заложенных в ней возможностей.

Вот жизнь, с грустью думал Косой, лучше бы меня тогда растоптали слоны, чем жить в презрении и страхе перед собратьями.

Так думал Косой и все-таки в глубине души (которая находилась в глубине желудка) чувствовал, что из жизни уходить ему не хочется. Ведь так мягко лежать на теплом мшистом камне, так приятно чувствовать солнце на своей старой ревматической шкуре, да и кроликоварение – что скрывать! – все еще доставляло ему немало удовольствия.

В тот же день, когда солнце повисло над джунглями на высоте хорошего баобаба или плохой лиственницы, у входа в королевский дворец на Королевской Лужайке было созвано чрезвычайное собрание кроликов.

Сам Король сидел на возвышенном месте рядом со своей Королевой. Над ними развевалось знамя кроликов с изображением Цветной Капусты.

Полотнище знамени представляло из себя большой лист банана, на котором кочан Цветной Капусты был составлен из разноцветных лепестков тропических цветов, приклеенных к знамени при помощи сосновой смолы.

В сущности говоря, ни один кролик никогда не видел Цветной Капусты. Правда, в кроличьей среде всегда жили слухи (хотя их и приходилось иногда взбадривать) о том, что местные туземцы вместе с засекреченными кроликами, работающие на тайной плантации по выведению Цветной Капусты, добились решительных успехов. Как только опыты, близкие к завершению, дадут возможность сажать Цветную Капусту на огородах, жизнь кроликов превратится в сплошной праздник плодородия и чревоугодия.

Время от времени сочетание цветов в изображении Цветной Капусты на знамени едва заметно менялось, и кролики видели в этом таинственную, но

безостановочную работу истории на благо кроликов. Увидев на знамени слегка изменившийся узор цветов, они многозначительно кивали друг другу, делая для себя далеко идущие оптимистические выводы. Говорить об этом вслух считалось неприличным, нескромным, считалось, что эти внешние знаки внутренней работы истории проявились случайно по какому-то доброму недосмотру королевской администрации.

В ожидании этого счастливого времени кролики жили своей обычной жизнью, паслись в окружающих джунглях и пампах, поворывали в огородах туземцев горох, фасоль и обыкновенную капусту, высокие вкусовые качества которой оплодотворяли мечту о Цветной Капусте. Эти же продукты они поставляли и ко двору Короля.

– Ну, как сегодня капуста? – бывало, спрашивал Король, когда рядовые кролики, выполняя огородный налог, прикатывали кочаны и складывали их в королевской кладовой.

– Хороша, – неизменно отвечали кролики, облизываясь.

– Так вот, – говорил им на это Король, – когда появится Цветная Капуста, вы на эту зеленую даже смотреть не захотите.

– Господи, – вздыхали кролики, услышав такое, – неужели доживем до этого?

– Будьте спокойны, – кивал Король, – следим за опытами и способствуем...

Великая мечта о Цветной Капусте помогала Королю держать племя кроликов в достаточно гибкой покорности.

Если в жизни кроликов возникали стремления, неугодные Королю, и если он не мог эти стремления остановить обычным способом, он, Король, прибегал к последнему излюбленному средству, и, конечно, этим средством была Цветная Капуста.

– Да, да, – говорил он в таких случаях кроликам, проявляющим неугодные стремления, – ваши стремления правильны, но несвоевременны, потому что именно сейчас, когда опыты по выведению Цветной Капусты так близки к

завершению...

Если проявляющий стремления продолжал упорствовать, он неожиданно исчезал, и тогда кролики приходили к выводу, что его засекретили и отправили на тайную плантацию. Это было естественно, потому что те или иные стремления проявляли лучшие головы, и эти же лучшие головы, конечно, прежде всего нужны были для работы над выведением Цветной Капусты.

Если семья исчезнувшего кролика начинала наводить справки о своем родственнике, то ей намекали, что данный родственник теперь «далеко в том краю, где Цветная Капуста цветет».

Если семья исчезнувшего кролика продолжала упорствовать, то она тоже исчезала, и тогда кролики говорили:

– Видно, он там большой ученый... Семью разрешили вывезти...

– Везет же некоторым, – говорили крольчихи, вздыхая.

Других подозрений в головах у рядовых кроликов не возникало, потому что по вегетарианским законам королевства кроликов наказывать наказывали – путем подвешивания за уши, – но убивать не убивали.

Итак, в этот день, который уже клонился к закату, на Королевской Лужайке Король и Королева сидели на возвышенном месте, а над ними слегка колыхалось знамя с изображением Цветной Капусты.

Чуть пониже располагались придворные кролики, или, как их называли в кроличьем простонародье, Допущенные к Столу. А еще ниже те, которые стремились быть Допущенными к Столу, а дальше уже стояли или сидели на лужайке рядовые кролики.

Легко догадаться, что чрезвычайное собрание кроликов было вызвано чрезвычайным сообщением Задумавшегося.

– Наш страх – их гипноз! Их гипноз – наш страх! – повторяли рядовые кролики, смакуя эту соблазнительную мысль.

– Какая смелая постановка вопроса! – восклицали одни.

– И мысли следуют одна за другой, – восторгались другие, – ну, прямо как фасолины в стручке.

– Ой, кролики, что буде-ет! – говорили третьи, которым от великого открытия Задумавшегося делалось до того весело, что становилось страшно.

И только жена Задумавшегося, стоя в толпе ликующих кроликов, то и дело повторяла:

– А почему мой должен был разоблачать удавов? А где Допущенные к Столу мудрецы и ученые? А что мы за это имеем? Ведь удавы будут мстить мне и моим детям за то, что он здесь наболтал!

– Ты должна им гордиться, дура, – говорили ей окружающие кролики, – он великий кролик!

– Оставьте, – отвечала им крольчиха. – Уж я-то знаю, какой он великий! Дожил до седин, а до сих пор не может листик гороха отличить от листика фасоли!

А между тем Королю кроликов сообщение Задумавшегося не понравилось. Он почувствовал, что эта новость ничего хорошего ему не сулит. Но, будучи опытным знатоком настроения толпы, он, видя всеобщее ликование, не мешал ему проявляться со всей полнотой. Он понимал, что всякое ликование толпы имеет свою высшую точку, после которой оно обязательно должно пойти на убыль, и тогда уже можно будет высказывать свои сомнения.

Дело в том, что когда кто-нибудь, а в особенности толпа, начинает ликовать, она еще не знает, что всякое ликование рано или поздно должно пойти на убыль. И вот, когда ликование начинает идти на убыль, ликующий, чувствуя, что его ликование иссякает, склонен обвинить в этом того, кто, вызвав ликование, оказывается, не придал ему неиссякаемого характера.

Но если кто-то своим критическим отношением к предмету ликования перебил всеобщее ликование, тогда гнев ликующих с особенной силой устремляется на него. Ведь ликующие думали, что их ликование носило неиссякаемый характер,

а этот злобный завистник нарочно им все испортил.

Король кроликов все это знал хорошо и поэтому долго молчал. И вот, когда ликование очень сильно иссякло, хотя все еще отдельные его вспышки то здесь, то там озаряли радостью толпу, кролики стали замечать, что сам Король почему-то молчит. И не только молчит. Лицо его выражает грустную терпимость перед печальным зрелищем всеобщего заблуждения.

И тут все начали понимать, что Король сомневается в правильности наблюдений Задумавшегося. Допущенные, заметив сомнение Короля, довели его при помощи отдельных выкриков до степени откровенного возмущения. Возмущение Допущенных, в свою очередь, было подхвачено Стремящимися Быть Допущенными и доведено до выражения гневного протеста против не проверенных Королем научных слухов.

Да, Король был прав, почувствовав великую опасность, которая заключается в словах Задумавшегося. Вся деятельность Короля была связана с тем, что он лично, вместе со своими придворными помощниками, определял, какое количество страха и осторожности должны испытывать кролики перед удавами в зависимости от времени года, состояния атмосферы в джунглях и многих других причин.

И вдруг вся эта разработанная годами хитроумная система управления кроликами может рухнуть, потому что кролики, видите ли, не должны бояться гипноза.

Король знал, что только при помощи надежды (Цветная Капуста) и страха (удава) можно разумно управлять жизнью кроликов. Но на одной Цветной Капусте долго не продержишься. Это Король понимал хорошо, и потому он собрал всю свою государственную мудрость и выступил перед кроликами.

– Кролики, – начал он просто, – я пожилой Король. Я на престоле, слава богу, уже тридцать лет и ни разу за это время не попал в пасть удава, а это о чем-то говорит...

– О том, что тебе все приносят во дворец! – выкрикнул из толпы какой-то дерзкий кролик.

Правда, уже было слишком темно, чтобы разглядеть, кто говорит. Допущенные к Столу и особенно Стремящиеся со страшной силой зашикали на дерзнувшего кричать из толпы.

Посмотрев на придворных, Король строгим голосом приказал осветить народ достаточным количеством светильников. До этого всего несколько пузырей, выдутых из прозрачной смолы и наполненных светляками, озаряли вход в Королевский Дворец и возвышение, на котором сидели Король и Королева.

– О, Король, – напомнили придворные шепотом, ссылая жар светляков из кокосовых шкатулок, в которых они хранились, в светильники, – вы ведь сами нас учите режиму экономии.

– Только не за счет интересов режима, – отвечал Король вполголоса, молча оглядывая толпу, пока придворные укрепляли светильники в разных концах Королевской Лужайки. – Кролики, – кротко обратился Король к своим подданным, – прежде чем раскрыть ошибку Задумавшегося, хочу задать вам несколько вопросов.

– Давай! – закричали кролики.

– Кролики, – и голос Короля задрожал, – любите ли вы фасоль?

– Еще как! – хором ответили кролики.

– А зеленый горошек, свеженький, с куста?

– Не говори, Король, – застонали кролики, – не буди сладких воспоминаний!

– А свежей капустой, – безжалостно гремел Король, – хрупчатой, рубчатой, говорю, любите похрумкать?!

– У-у-у! – завывали кролики и стали со свистом втягивать воздух в рот. – Не растравляй, Король, не сыпь на раны сладкую соль!

– Если это так, – продолжал Король, глядя на кроликов, застывших в сентиментальных позах обглаживания свежих стручков или хрумканья

капустными листьями, – перехожу к наиглавнейшей мысли. Кто из вас выращивает горох, капусту, фасоль?

На некоторое время воцарилось удивленное молчание.

– Но, Король, – стали кричать кролики, – этим занимаются туземцы!

– Значит, им принадлежат эти самые совершенные на сегодняшний день (тончайший намек на завтрашний день, связанный с Цветной Капустой) продукты питания?

– Выходит, – отвечали кролики.

– А каким образом, – продолжал Король, – вы добываете эти продукты?

– Воруем, – сокрушенно отвечали кролики, – разве вы не знали?

– Ну, это сказано слишком резко, – поправил Король, – правильней сказать – отбираете излишки... Ведь вы туземцам кое-что оставляете?

– Приходится, – отвечали кролики.

– Теперь перехожу к наиглавнейшей мысли, – объявил Король.

– Ты уже переходил к наиглавнейшей мысли! – крикнул один из кроликов в толпе.

– То была первая наиглавнейшая мысль, а теперь вторая, – не растерялся Король. – То, что удавы глотают кроликов, – это ужасная несправедливость, не правда ли?!

– В том-то и дело, – закричали кролики, – об этом-то и толкует Задумавшийся!

– Да, – продолжал Король, – это ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, и мы с нею боремся теми средствами, которые доступны нашему разуму. Правда, за эту ужасную несправедливость мы пользуемся маленькой, но

очаровательной несправедливостью, присваивая нежнейшие продукты питания, выращенные туземцами. Теперь допустим на минуту, что Задумавшийся прав, хотя это еще никак не доказано. Но представим. Гипноза, оказывается, нет, скачите, кролики, куда хотите! Браво, браво, Задумавшийся! Но что же дальше? А дальше Задумавшийся нам говорит, мол, если отпала ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, значит, и кролики должны прекратить приятную, разумеется, для нас, несправедливость по отношению к огородам туземцев.

– Не скажет! Не скажет! – закричали кролики хором.

– А где уверенность? – спросил Король и обратился к Задумавшемуся, который стоял недалеко от Короля и спокойно слушал его.

После своего сообщения о гипнозе он так и остался на возвышении, потому что Король велел ему остаться, чтобы, с одной стороны, никто не подумал, будто Король недоволен, а с другой стороны, чтобы долгое созерцание Задумавшегося сделало его облик более привычным и потому менее чудодейственным.

Задумавшийся молчал, хотя по его виду никак нельзя было сказать, что он смущен вопросом Короля.

– Так что ты нам скажешь? – снова обратился к нему Король, стараясь, чтобы он сейчас же разоблачил себя перед кроликами.

– Я потом отвечу сразу на все вопросы, – спокойно сказал Задумавшийся, – пусть Король продолжает.

– Хорошо, – усмехнулся Король, хотя и разозлился про себя, именно оттого разозлился, что Задумавшийся не в результате хитрого дипломатического хода уклонился от его удара, а просто в результате глупого желания не терять время на отдельные вопросы.

– Пойдем дальше, – продолжал Король. – Конечно, это ужасная несправедливость, что удавы пожирают кроликов, и мы делаем все, чтобы уменьшить количество жертв. Но зачем подчеркивать только темные стороны? Жизнь есть жизнь! И она иногда подсовывает нам изумительные подарки. Например, вы сталкиваетесь с удавом, вы в ужасе! Но что же? Оказывается, это

Коротышка, который только что налопался бананов, он на вас и смотреть не хочет. Снова сталкиваемся с удавом! Снова ужас. Но что же? Оказывается, это Косой – и вы в полной безопасности, потому что очутились в мертвом пространстве его слепого профиля. Кролики, братья и сестры, нельзя пренебрегать такими дарами жизни! Помните, в природе все связано! А что, если тончайшее удовольствие, которое мы получаем от святой троицы (горох, фасоль, капуста), связано с чувством страха, который мы испытываем перед удавами? А вдруг без этого страха ароматнейшие продукты природы покажутся безвкусными и жесткими, как пампасская трава?

– Это ужасно, – воскликнули кролики, – тогда и жить не стоит!

– А если это так, – продолжал Король, сам загораясь от собственного красноречия, – перестанем мечтать о будущей Цветной Капусте, перестанем следить за опытами и способствовать?!

– Это ужасно, ужасно, ужасно, – стонали кролики, от природы очень впечатлительные, чем, кстати, и пользовались удавы, как, впрочем, и Король, хотя мы никак не хотим проводить какие-то параллели между ними.

– И вот что, кролики, – продолжал Король, оглядывая толпу с выражением пронизательной умудренности, – будем откровенны, ведь мы здесь все свои... Признайтесь, когда вы вечером возвращаетесь в свою нору и узнаете от крольчихи, что такого-то кролика проглотил удав, разве вы вместе с печалью по погибшему брату с особенной силой не ощущаете уют безопасности собственной норы?! А сладость облизывать нежные тельца своих очаровательных крольчат?! А прижиматься, прижиматься (тут все взрослые кролики, и я могу говорить прямо), прижиматься, говорю, к теплой, ласковой крольчихе?!

– Да, да, – соглашались кролики, потупившись, – стыдно признаться, но все это так...

– Нечего стыдиться, кролики! – воскликнул Король. – Вы же это испытываете вместе с грустью по погибшему брату, а не отдельно?!

– В том-то и дело, – отвечали кролики, – как-то все это перемешивается...

– Тем более! – вдруг во весь голос закричал кролик по прозвищу Находчивый.

Он сидел среди Стремящихся Быть Допущенными к Столу. Сейчас его дерзкий выкрик был всеми замечен, и наступила довольно-таки неловкая тишина. В сущности, он почти перебил Короля. Король нахмурился.

– Тем более! – снова закричал Находчивый, ничуть не смущаясь всеобщим вниманием.

– Что «тем более»? – наконец строго спросил у него Король.

– Тем более, как быть с предками? – воскликнул Находчивый. – Ведь если Задумавшийся прав, получается, что все наши предки, героически погибшие в пасти удавов, были дураками и трусами, выходит, что они погибли по глупости?!

– Уместное замечание, – сказал Король, кивнув головой и обернувшись к Задумавшемуся. – Интересно, что ты ответишь на это?

– Я сразу отвечу на все вопросы, – спокойно отвечал Задумавшийся, – Король может продолжать...

– Ишь ты, какой самоуверенный, – не удержалась Королева и фыркнула в сторону Задумавшегося.

– Пока я кончил, – сказал Король. – Одно могу добавить: жизнь есть жизнь. Раз бог создал кролика – он имел в виду кролика!

Конец королевской речи потонул в дружных аплодисментах во славу прекрасных продуктов. В шуме этих аплодисментов время от времени раздавались выкрики в честь Короля из среды Допущенных к Столу и восторженные высвисты в его же честь из среды Стремящихся.

Как всегда, скандировалась слава великой троице с некоторыми частными добавлениями, среди которых чаще всего слышалось:

– Скромной морковке тоже слава!

Интересно отметить, что каждый кролик, аплодируя, был уверен, что он лично аплодирует идее союза прекрасных продуктов питания с кроликами. Но при этом он думал, что другие аплодируют не только этому союзу, но и всей речи Короля. И поскольку все думали так и все считали, что признаться в эгоистической узости своих аплодисментов по меньшей мере уродство, они аплодировали изо всех сил, чтобы скрыть эгоистическую узость собственных аплодисментов и слиться с общим восторгом, с которым они в конце концов сливались и, уже подхваченные этим восторженным потоком, сами тащили его дальше. Так маленькие ракеты личных аплодисментов, слившись, давали могучую силу двигателю общественного мнения кроликов.

– Ну, как речуга? – спросил Король у Королевы, усаживаясь рядом с ней и кивая на восторженный шум, поднятый кроликами.

– Ты был бесподобен, милый, – сказала Королева и нежно утерла листиком капусты пот с лица Короля.

– Находчивый делает успехи, – сказал Король и кивнул в его сторону.

Королева улыбнулась Находчивому и поманила его к себе. Находчивый быстро подскочил и замер перед ней. Королева, улыбаясь, подарила ему листик капусты, которым она только что утирала лицо Короля.

– Можешь съесть, – сказала она ему. Это был знак великой милости, в сущности, знак Допущенности к Столу.

– Никогда! – с жаром воскликнул Находчивый, принимая подарок. – Я засушу его в память о вашей великой милости.

– Как хочешь, – сказала Королева и с немалым женским любопытством оглядела Находчивого. Ей понравилась его приятная внешность и горячие быстрые глаза. В нем было что-то такое, от чего ей захотелось родить маленького быстроглазого крольчонка.

Когда все затихло, Задумавшийся, который все это время продолжал стоять перед толпой собратьев, наконец заговорил.

– Начну с конца, – сказал он. – Мне, кролику, незачем заботиться о природе удава. Пусть он сам заботится о своей природе...

– Вот он и заботится, – ехидно вставил Находчивый и, посмотрев на Королеву, поцеловал капустный листик. Королева еще раз улыбнулась ему нежной улыбкой.

– Этот Находчивый – прелесть, – сказала она.

– Считай, что он у тебя за столом, – сказал Король, сосредоточиваясь на словах оратора и поэтому забыв, что эта милость Находчивому уже оказана.

«Как много можно сделать незаметно от мужчины, – подумала Королева, – когда мужчину раздрают общественные страсти».

– Хорошо, пусть будет так, – продолжал Задумавшийся, – если удав имеет право заботиться о своей природе, то и кролик имеет такое же право. А суть природы кролика состоит в том, что он не хочет быть проглоченным удавом. Можем мы, кролики, обойтись без удавов?

– Еще как! – воскликнули кролики. – С удовольствием!

– Тогда скажи, – вскочил Король, – почему бог создал удава?

– Не знаю, – ответил Задумавшийся, – может, у него плохое настроение было. А может, он создал удава, чтобы мы понимали, что такое мерзость, так же как он создал Капусту, чтобы мы знали, что такое блаженство.

– Правильно! – закричали кролики. – Удав – мерзость! Капуста – блаженство!

– Горох и фасоль – тоже блаженство! – напомнил один из кроликов с такой тревогой в голосе, словно, не напомни он об этом вовремя, столь прекрасные деликатесы выйдут из употребления кроликов.

– Продолжаю, – сказал Задумавшийся, – итак, если бог создал удава таким, какой он есть, то и меня он создал таким, какой я есть. И если я задумался, значит, моей природе кролика не чуждо сомнение. Развивая свою природу

сомнения, которая, оказывается, все-таки существовала в моей природе кролика, я стал приглядываться, прислушиваться, думать. Жизнь, как любит говорить наш Король, великий учитель. Именно она натолкнула меня на все мои сегодняшние выводы. Однажды я нос к носу столкнулся с удавом. Я почувствовал, что гипноз сковал мои мышцы. От ужаса я потерял сознание. Через несколько мгновений я пришел в себя и с удивлением обнаружил, что я не проглочен, а хвост этого же удава, прошуршав мимо меня, проскользнул дальше. Я оглянулся и узнал Косого, который, не заметив меня, скользил дальше, пройдя мимо меня слепой стороной своего профиля. И тут великая мысль, хотя еще и не так четко оформленная, промелькнула в моей голове. Я понял, что их гипноз – это наш страх. А наш страх – это их гипноз.

– О, святая наивность! – воскликнул Король, вскакивая с места и обращаясь к толпе кроликов. – Разве я вам не говорил о счастливой встрече с Косым или Коротышкой?

– Да, да, говорил, – ответили кролики, чувствуя, что в словах Задумавшегося есть какая-то соблазнительная, но чересчур тревожащая истина, а в словах Короля какая-то скучная, но зато успокаивающая правда.

– В том-то и дело, кролики, – сказал, волнуясь, Задумавшийся, – что я ощутил все признаки гипноза, а удав меня даже не заметил! Значит, я сам своим страхом внушил себе гипноз!

– Гениально! – воскликнул какой-то кролик из толпы и, ударив себя лапой по лбу, замертво упал. Бедная его голова не выдержала этой мысли.

В толпе возник некоторый переполох, впрочем, не опасный для продолжения сходки. Убедительность примера, который привел Задумавшийся, повергла кроликов, несмотря на жертву, в большое ликование.

– Первые плоды нового учения! – крикнул Находчивый, когда выносили кролика, умершего от силы собственного прозрения. Но на его слова никто не обратил внимания.

– Здорово! Здорово! Здорово! – скандировали теперь кролики. – Да здравствует наш освободитель!

– Это еще надо доказать! – закричал Король, вскакивая. – Почему он уверен, что сам себя загипнотизировал? Только потому, что Косой прошел мимо него своим слепым профилем. Пусть мой Ученый выступит и объяснит Задумавшемуся, что произошло, с научной точки зрения.

Тут кролики постепенно замолкли, и из толпы Допущенных к Столу выступил Главный Ученый и, дождавшись тишины, произнес:

– Конечно, сообщение Задумавшегося представляет немалый научный интерес...

Кролики на его слова ответили восторженным гулом.

– ...И хотя наша сходка затянулась допоздна, – продолжал Главный Ученый, – еще рано делать какие-либо выводы. Но что же могло произойти во время предполагаемой встречи Задумавшегося с Косым, или, выражаясь нашим научным языком, слепым на один глаз удавом? По-видимому, наш дорогой коллега Задумавшийся, к нашему общему счастью, прошел перед отключенной от зрительных впечатлений частью профиля удава. Только поэтому он остался жив, ибо смертоносные гипнотические лучи действующего глаза оказались в стороне от нашего возлюбленного коллеги, что послужило ему поводом к столь легкомысленным выводам относительно гипноза...

– Держат там всяких калек, – пробормотал Король, слушая Ученого и кивая в знак согласия головой.

– Нет, дорогие мои кролики, – продолжал Ученый, – гипноз – пока еще страшное оружие наших врагов. Только следуя Таблице Размножения, разработанной нашими учеными при личном участии Короля, мы можем победить удавов. Помните, изучайте Таблицу Размножения – и будущее кроликов будет достойно Цветной Капусты!

Речь Ученого тоже показалась кроликам убедительной, но все-таки большинство кроликов было настроено в пользу Задумавшегося.

Кстати, суть Таблицы Размножения заключалась в том, что кролики, размножаясь с опережением удавов, уменьшают риск каждого отдельного кролика настолько, насколько кроликов будет больше, чем удавов. Из этой таблицы следовало, что в будущем шанс встретиться с удавом у каждого

кролика станет, уменьшаясь, стремиться к нулю и в конце концов достигнет его и даже превзойдет! Поэтому кролики очень любили размножаться.

Но сейчас настроение кроликов было в пользу Задумавшегося. Король, видя это, решил перенести сходку на какой-нибудь другой, более подходящий день. С этой целью он незаметно для толпы приказал выступить придворному осветителю.

– Кролики, – сказал тот, – время позднее. Светильники гаснут, пора кормить светляков.

– Ничего, – закричали в ответ кролики, – в лесу полно гнилушек! Надо будет – наберем!

Пришлось продолжить сходку и дать слово Задумавшемуся.

– Кролики, – сказал Задумавшийся, – наш Ученый, как всегда, говорит глупости! Я утверждаю, что гипноза нет вообще. Вспомните, сколько лягушек в Лягушачьем Броде. Через этот брод каждый день переплывает тот или иной удав. Если бы удав обладал гипнозом, то независимо от его воли десятки лягушек, потерявших сознание, всплывали бы на его пути. А если бы всплывали лягушки, то водоплавающие птицы летели бы вслед за плывущим удавом. Но, как вы знаете, никакие птицы не следуют за плывущим удавом.

– Точно! Точно! – закричали кролики. – Там сотни птиц, но ни одна не летит за удавом.

– Задумавшийся прав! – кричали они. – Наш страх – их гипноз! Их гипноз – наш страх!

Пока они шумно изъявляли свои восторги, Король подозвал из толпы Допущенных кролика, занимавшего должность Старого Мудрого Кролика.

Небезынтересна история возвышения этого кролика. Возле Королевского Дворца растет морковный дуб, желуди которого имеют форму морковки. Хотя плоды морковного дуба и несъедобны – их кролики обычно используют для украшения праздничных шествий, – морковный дуб почитается кроликами, как священное

дерево.

Время от времени с морковного дуба падают морковные желуди, кстати, весьма увесистые. Были случаи тяжелых увечий и даже смертей кроликов, оказавшихся в момент падения желудя под сенью дерева. Однажды именно этот кролик очутился под морковным дубом, когда с него слетел желудь, попавший ему в голову.

Он получил сотрясение мозга. Это был первый случай такого рода заболевания в кроличьем племени.

– Сотрясение мозга? – удивился Король неведомой болезни.

– Да, сотрясение, – подтвердили врачи.

– Значит, было что сотрясать? – догадался Король.

– Значит, было, – подтвердили врачи.

– Вылечится – назначим его на должность Старого Мудрого Кролика, – решил Король, и, когда этот рядовой кролик вылечился, он сразу оказался в числе Допущенных к Столу.

– Выступишь, – сказал ему сейчас Король, мрачно оглядывая толпы ликующих кроликов, среди которых находились и такие, которые вздымали лапки, сжатые в кулачок, как бы грозя удавам.

– Кажется, это конец, – сказал Старый Мудрый Кролик.

– Надо попытаться, – сказал Король, одновременно давая распоряжение начальнику охраны Королевского Дворца проверить запасные выходы из дворца на случай бунта.

– Я старый, мудрый кролик, – начал Старый Мудрый Кролик, и он был отчасти прав, потому что с тех пор, как его назначили на эту должность, он успел постареть. – Клянусь морковным деревом, сделавшим меня мудрецом, в словах Задумавшегося...

Но тут ликование кроликов приняло угрожающие размеры. Можно было ожидать, что они немедленно переизберут Короля и посадят на его место Задумавшегося.

– ...В словах Задумавшегося, – повторил он, пропустив волну ликования, – очень много правды...

– Ура! – дружно закричали кролики, перекрывая взвизги Допущенных, которых в случае переворота ничего хорошего не ожидало.

А между тем Стремящиеся притихли и старались выглядеть так, как если бы они вообще никаких стремлений не имели. Некоторые из них даже покидали свои места, словно им очень захотелось пройтись по своим физическим надобностям. На обратном пути они сильно задерживались, узнавая в толпе кроликов своих старых знакомых и охотно заговаривая с ними.

– ...В том, что сказал Король, – продолжал Старый Мудрый Кролик, – не очень...

Толпа кроликов притихла, Старый Мудрый Кролик посмотрел на Короля и с ужасом подумал: а вдруг не переизберут? Когда толпа ликовала, ему казалось, что она сильнее Короля. Когда она замолкла, Король снова казался сильнее. И поэтому он неожиданно даже для себя окончил:

– Очень много правды... Но скажи, Задумавшийся, – продолжал он, – если ты прав и кончится ужасная несправедливость по отношению к нам, разрешишь ли ты нам пользоваться нашей божественной троицей: фасолью, горохом и капустой?

– Да, да, – закричали кролики, – разреши сомнения!

Задумавшийся молча смотрел на свой народ и ничего не говорил. Между тем рядовые кролики, взявшись за руки, стали притопывать, повторяя:

– Разрешив воровать, разреши сомнения! Разрешив воровать, разреши сомнения!

Задумавшийся продолжал молчать. Король, сидевший мрачно опустив голову, вдруг почувствовал, что щекочущий лучик надежды коснулся его ноздрей.

– Кролики, – наконец сказал Задумавшийся, – я вам предлагаю разрешить главную нашу задачу: перестать бояться удавов. А что будет дальше, я могу только предполагать...

– Видите ли, он может только предполагать! – воскликнула Королева и, гневно разорвав листик капусты, отшвырнула его от себя.

Стремящиеся одобрительно загудели, стараясь запомнить, куда упали обрывки капустного листа.

– А еще корчит учителя жизни! – воскликнул кролик по прозвищу Находчивый. Он это воскликнул, дождавшись тишины, чтобы выделить свой голос.

Никого так не раздражал Задумавшийся, как Находчивого, потому что в юности они дружили и довольно часто влюблялись в одну и ту же крольчиху. Находчивый был уверен, что он мог бы сделать не меньше блестящих открытий, чем Задумавшийся, если бы не стремился быть Допущенным. Поглощенный философией собственного существования, он никак не находил времени заняться существованием кроликов.

– Ему хорошо, – говаривал он своим знакомым, когда речь заходила о Задумавшемся, – он-то не стремится быть Допущенным.

– А кто тебе мешает не стремиться? – спрашивали знакомые в таких случаях.

– Вы лучше спросите, кто мне помогает, – отвечал им на это Находчивый, раздумывая, как бы поприглядней попасться на глаза Королю.

Между тем Задумавшийся продолжал.

– Кролики, – говорил он, – если мы будем стремиться с самого начала увидеть самый конец, мы никогда не сдвинемся с места. Важно сделать первый шаг и важно быть уверенным, что он правильный.

– Ну хоть что-нибудь, – кричали кролики, – скажи, что ты думаешь насчет фасоли, гороха и капусты!..

– Я думаю, – сказал Задумавшийся, – когда отпадет ужасная несправедливость удавов по отношению к нам, мы должны подумать и о нашей несправедливости по отношению к огородам туземцев.

– У-у-у! – завывали недовольные кролики.

А Король покачал головой: дескать, больше слушайте его, он вам устроит счастливую жизнь.

– Дело не в том, чтобы отменять эти прекрасные продукты, – сказал Задумавшийся, – а в том, чтобы научиться самим выращивать их.

– У-у-у, – завывали кролики хором, – как неинтересно... А как мы будем обрабатывать землю?

– Не знаю, – сказал Задумавшийся, – может, мы договоримся с кротами, может, еще что...

– У-у-у! – завывали кролики еще скучней. – А если кроты не согласятся? Значит, прощай, фасоль, горох, капуста?!

И тут от имени рядовых кроликов выступил простой уважаемый всеми кролик.

– Послушай, Задумавшийся, – сказал он, – мы все тебя любим, ты наш парень, думаешь о нас. И это хорошо. Но чего-то ты недодумал. Вот я, например, каждый день хожу в лес, в пампасы, к туземцам на огороды заглядываю... Каждый день я могу встретиться с удавом, но могу и не встретиться. Позавчера, например, не встретился, вчера тоже и сегодня, слава богу, как видишь, жив-здоров. Что же получается? На огородах туземцев я могу бывать каждый день, а удав меня может проглотить далеко-о не каждый день. Выходит – пока я в выигрыше. Выходит, ты чего-то недодумал, Задумавшийся. Вот походи на свой зеленый холмик и придумай такое, чтобы и удавы нас не трогали и чтобы, как говорится, бог троицей не обидел. Тогда мы все, как один, пойдем за тобой.

– Правильно! Правильно! – стали кричать рядовые кролики, потому что в трудную минуту решение не принимать никакого решения было для кроликов самым желанным решением.

– Я лично первый пойду за тобой, – крикнул Король кроликов, – как только твои выводы подтвердятся!

– Да здравствует наш благородный Король! – стали кричать кролики, довольные своим решением не принимать никакого решения.

– Более того, – продолжал Король, – чтобы Задумавшийся мог думать, не отвлекаясь, ежедневно с нашего стола будут выдаваться его семье две полноценные морковины!

– Да здравствует Король и его щедрость! – закричали кролики.

– Размножаться с опережением – вот наше оружие! – крикнул Король и в знак того, что собрание закончено, взяв за лапку Королеву, удалился к себе во дворец.

Кролики тоже, окликая попутчиков, разошлись по своим норам. Некоторые из них, чувствуя угрызения совести, горячо хвалили замечательную идею Задумавшегося, хотя и указывали на ее некоторую незрелость.

Иные кролики спрашивали у жены Задумавшегося, довольна ли она королевской помощью.

– Это невесть что, но все-таки кое-что, – отвечала она любопытствующим кроликам и, в свою очередь, пыталась узнать, включается ли сегодняшний день в пенсионный срок и сможет ли она на этом основании получить завтра четыре морковины у королевского казначея, известного своей скаредностью и крюкотворством.

– Сегодняшний день включительно! – со всей либеральной решительностью отвечали ей кролики, и тем либеральней и тем решительней отвечал каждый, чем больше не хватило ему решительности поддержать ее мужа во время собрания.

Печально сидел Задумавшийся на опустевшей Королевской Лужайке. Возле него остался один молодой кролик, не только поверивший в правильность его учения (таких было немало), но и решившийся, рискуя спокойной жизнью, следовать за

ним.

– Что теперь делать? – спросил он у Задумавшегося.

– Ничего не остается, – отвечал Задумавшийся, – будем думать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/fazil-iskander/kroliki-i-udavy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)